

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах
рукописи

Голотина Алена Игоревна

**БИТВА НАРОДОВ ПОД ЛЕЙПЦИГОМ И СРАЖЕНИЕ ПРИ
ВАТЕРЛОО В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:

Земцов Владимир Николаевич
доктор исторических наук, профессор

Официальные
оппоненты:

Ростиславлева Наталья Васильевна
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет» (г. Москва),
профессор кафедры всеобщей истории;

Таньшина Наталия Петровна
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации» (г. Москва), профессор
кафедры всеобщей истории;

Рагозин Герман Сергеевич
кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет им. М. В.
Ломоносова» (г. Архангельск), доцент
кафедры всеобщей истории.

Защита состоится 03 июня 2025 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.6.03.05 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов (комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=7094>

Автореферат разослан «__» апреля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

А.В. Шаманаев

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы состоит в том, что до сегодняшнего дня историческая наука, в своей основе стремящаяся к объективному отражению исторического прошлого, вступает в противоречие с естественным запросом общества на национальную историю, нередко многократно переосмысляемую и изменяемую, но необходимую в качестве источника сил для дальнейшего развития. В современной Европе можно увидеть и иное противоречие, связанное с тем, что не всегда национальную историю отдельных стран возможно корректно совместить с общеевропейскими ценностями и декларируемым единством внутри европейской наднациональной структуры. Подобное противоречие выходит и на более высокий уровень, особенно ярко проявляясь в период общественных и политических кризисов, переживаемых современным миром, в котором стремление к глобализации и инклюзивности вступает в столкновение с традиционными национальными нарративами и консервативными тенденциями, нарастающими в отдельных странах.

Расположенная в центре Европы и имеющая весьма противоречивую военную историю, Германия обладает уникальным опытом формирования национальной идентичности, изучение которого является значимым с научной точки зрения. Обращение к данной теме позволяет выявить подходы и методы, с помощью которых немцы пытались сбалансировать общенациональный и региональный компоненты своей идентичности в процессе преодоления традиционной для этого региона политической разобщенности. Не менее важным является и аспект непрерывного изменения идеологии немецкого государства, оказывающий значительное влияние на трансформацию исторической памяти общества. Постоянная смена идеологической ориентации страны заставляла изменяться и память о событиях начала XIX в., приспосабливая ее к той политической действительности, в которой эти образы вынуждены были существовать. Большую роль в этом процессе играли коммеморативные практики, в ходе которых особенно ярко выявлялись наиболее актуальные грани исследуемого нами образа. В то же время современное центральное положение Германии в рамках структур Европейского союза способствует нарастанию противоречий, связанных с неизбежностью дальнейшего выбора ориентации страны между национальными или общеевропейскими интересами.

Объектом исследования является историческая память немецкого общества в контексте национального и государственного строительства и развития единого немецкого государства. **Предметом** исследования являются причины и этапы трансформации представлений немецкого общества о ключевых сражениях Освободительной войны 1813–1815 гг. – Битве народов под Лейпцигом и битве при Ватерлоо.

Целью исследования является реконструкция процесса становления и эволюции немецкой исторической памяти о сражениях под Лейпцигом и при Ватерлоо.

Цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить основные элементы образа Битвы народов и сражения при Ватерлоо в контексте трансформации исторической памяти об эпохе наполеоновских войн.

2. Выявить и охарактеризовать этапы, причины и внутренние закономерности трансформации исторической памяти о двух ключевых сражениях Освободительной войны 1813–1815 гг. в исследуемый период.

3. Охарактеризовать влияние Лейпцигского сражения и битвы при Ватерлоо на становление национальной идентичности немецкого народа на разных этапах ее формирования.

4. Раскрыть влияние коммеморативных практик на процесс развития немецкой исторической памяти.

5. Подвести итоги 200-летней германской традиции обращения к Лейпцигу и Ватерлоо, и определить степень взаимосвязи этой исторической традиции с различными идейными течениями, актуальными для немецкого общества в разные периоды его существования.

Хронологические рамки. Для исторической памяти о Битве народов нижней границей является октябрь 1813 г., когда битва закончилась и начала складываться память о ней. В качестве верхней границы исследования взят 200-летний юбилей Лейпцигского сражения 18 октября 2013 г. Для сражения при Ватерлоо нижней границей является июнь 1815 г. – месяц, в который произошло сражение, а верхней – его 200-летний юбилей 18 июня 2015 г.

Территориальные рамки исследования включают территорию Германии с учетом тех изменений, которые происходили с единым немецким государством в исследуемый хронологический период.

Методология и методы исследования предопределены поднимаемой в работе проблемой. Концептуальной основой исследования является концепция «исторической памяти». В настоящее время существует множество трактовок самого понятия «историческая память». В нашем исследовании мы, солидаризируясь с Л.П. Репиной, под «исторической памятью» понимаем совокупность донauchных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом¹ и ее символическую репрезентацию в настоящем.

В рамках концепции исторической памяти работали многие немецкие историки. В первую очередь нужно отметить теоретические работы Яна² и

¹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 12.

² Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004. 368 с.

Алейды Ассман³, которые разрабатывали более широкие вопросы культурной памяти, форм и механизмов ее сохранения в обществе⁴. Касалась немецкая историография и такого процесса, как забвение, важного для нас в контексте изменения памяти о событиях Освободительных войн в XX в.⁵

В современной исторической науке имеются и исследования, посвященные отдельным аспектам теории памяти. Национальные мифы, их трансформацию и восприятие обществом изучают О. Джонстон, К. Кнабель и др⁶. Отдельные исследователи, такие как Т. Штамм-Куманн⁷, занимаются изучением разнообразных мест памяти, следуя концепции, выработанной французским историком Пьером Нора.

Отдельного внимания заслуживают исследования, посвященные влиянию исторической памяти на формирование национальной идентичности, а также работы, посвященные изучению национализма. Среди исследователей этих проблем отметим Б. Андерсона⁸, Э. Геллнера⁹ и Э. Хобсбаума¹⁰. Отметим также вклад российских историков А.И. Миллера¹¹ и В.А. Тишкова¹², уделивших пристальное внимание данному вопросу.

Стоит отметить также и то, что вопрос, связанный с понимаем «национализма» и связанного с ним «патриотизма», до сегодняшнего дня является в Германии дискуссионным и сложным. На его восприятие в силу исторических причин влияли как баланс между региональным и государственным началами, так и компрометация этого термина в период господства национал-социализма. Так, например, к проблеме зарождения, развития и дискредитации «национализма» обращался один из самых известных специалистов по этой теме Д. Лангевитше¹³. Однако стоит

³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. 328 с.

⁴ Assmann A. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999. 427 s.

⁵ Assmann A. Formen des Vergessens. Göttingen, 2016. 224 s.

⁶ Nationale Mythen – kollektive Symbole Funktionen, Konstruktionen und Medien der Erinnerung / Hrsg. von Klaudia Knael, Dietmar Rieger und Stephanie Wodianka. Göttingen, 2005. 289 s.

⁷ Stamm-Kuhmann T. Zum historischen Ort der «Völkerschlacht» von 1813. Die Ereignisse von Leipzig zwischen Spaltung und Integration // Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen 1813–1913–2013 / Hrsg. von M. Hofbauer, M. Rink. Berlin; Boston, 2017. S. 361–371.

⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М., 2001. 288 с.

⁹ Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердниковой и М.К. Тюнькиной. М., 1991. 320 с.

¹⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб., 1998. 305 с.

¹¹ Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. 145 с.

¹² Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 42–62.; Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6–25 и др.

¹³ Langewiesche D. Nationalismus im 19. und 20. Jahrhundert: zwischen Partizipation und Aggression ; Vortrag vor dem Gesprächskreis Geschichte der Friedrich-Ebert-Stiftung in Bonn am 24. Januar 1994. Bonn, 1994. S. 29.

отметить, что на сегодняшний день вопрос, связанный с восприятием «нации» и «национализма» в Германии, остается дискуссионным как на уровне методологии и определения понятий, так и в общественном дискурсе, поднимаемом как на уровне регионов, так и в масштабах всей страны.

В качестве общенаучных **методов** исследования нами были привлечены анализ, синтез, сравнение, индукция. В группе частных научных методов предпочтение было отдано, согласно классификации И.Д. Ковальченко, *историко-генетическому методу*. Этот метод позволил нам, как полагаем, наиболее полно реализовать цель исследования, поскольку он связан «с пониманием глубинных механизмов эволюции изучаемого объекта или явления»¹⁴. В контексте изучения сущностно-временных процессов, связанных с изменением памяти о битвах Освободительных войн, был использован *диахронный метод*. Применение нами методов *имагологии* позволяет проанализировать особенности восприятия иных, помимо немецких, участников сражения при Лейпциге и Ватерлоо – русских, австрийцев и британцев, а также особенности встраивания их в немецкий нарратив. Для работы с материалами печатной прессы нами использованы отдельные элементы метода *контент-анализа*.

Степень разработанности темы. Битва народов под Лейпцигом и сражение при Ватерлоо на протяжении 200 лет не раз становились предметом изучения исследователей. Британская историография традиционно уделяла большое внимание битве при Ватерлоо. Только за последние годы вышел ряд работ, посвященных как различным аспектам сражения, так и памяти о ней¹⁵.

Наибольший интерес отечественных исследователей традиционно занимала проблематика Зарубежных походов российской армии¹⁶. Однако в рамках этой общей проблематики можно выделить и отдельных исследователей, чьей областью интересов является период 1813–1815 гг. Среди отечественных авторов, занимавшихся проблематикой Ватерлоо, укажем на работы В.Н. Земцова и А.А. Постниковой¹⁷. В контексте развития национально-патриотической мысли период Освободительных войн затрагивал в своих исследованиях историк Д.В. Стерхов¹⁸.

¹⁴ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2010. С. 478.

¹⁵ Напр.: Cornwell B. Waterloo, the History of Four Days, Three Armies and Three Battles. L., 2014. 352 p; Tsouras P.G. Napoleon Victorious! An alternative history of the Battle of Waterloo. L., 2017. 288 p.; Hughes Kristine Waterloo Witnesses. Military and Civilian Accounts of the 1815 Campaign. L., 2021. 272 p. и др.

¹⁶ Напр.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Часть вторая. СПб., 1840. 328 с.; Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии. Т.2. СПб, 1863. 805 с.; Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. 664 с. и др.

¹⁷ Напр.: Земцов В.Н., Постникова А.А. Трафальгар и Ватерлоо: метаморфозы французской исторической памяти // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. С. 209-235.

¹⁸ Напр.: Стерхов Д.В. Король, отечество и прусская нация: государственный патриотизм в Пруссии в годы Освободительных войн (1813–1815 годы) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 67-78 и др.

«Во Франции, – отмечал немецкий историк Ян Лоренцен, – Битва народов не имеет никакого отношения к культуре памяти: даже термин "Битва народов" неизвестен. Как и "Лейпцигская битва", она является одной из многих битв»¹⁹. В то же время мы не можем утверждать, что французская историография игнорировала проблематику исторических событий 1813–1815 гг.²⁰

Наибольший вклад в изучение эпохи Освободительных войн в контексте немецкой памяти внесли исследователи из Германии. Первые авторы, обратившиеся к описанию сражений (К. фон Мюффлинг²¹, К. Мюллер²² и др.) в своих работах отразили общее представление о двух битвах, как о важных вехах немецкой национальной истории, как о славных примерах доблести немецкого оружия.

С 30-х гг. XIX в. особенно заметным стало критическое направление в историографии либерального толка. Обращение к памяти о Лейпциге и, в большей степени, к Ватерлоо было окрашено недовольством, связанным с отсутствием политического единства. Этот мотив явно заметен в работах юристов, политиков и общественных деятелей (Ю. Вайске²³, Э.Л. Гроссе²⁴, Э. фон Бюлов-Куммеров²⁵ и др.).

С 40-х гг. XIX в. все больше авторов начинает пересматривать оценку роли и немцев, и их союзников в победе над Наполеоном. Появляются работы, в которых главная роль в достижении победы теперь отводилась немцам (Г. Маукиш²⁶, А. Гейслер²⁷). В этом же контексте происходило постепенное переосмысление и негативизация роли союзников-британцев²⁸.

¹⁹ Lorenzen J.N. Die großen Schlachten. Mythen, Menschen, Schicksale. Frankfurt am Main, New York: Campus Verlag, 2006. S. 13.

²⁰ Hanp.: de Vaudoncourt F.G. Histoire de la guerre soutenue par les Français en Allemagne en 1813. T.1. Paris, 1819. 294 p.; Thierry L. Nouvelle histoire du premier empire: L'effondrement du système napoléonien, 1810–1814. P., 2004. 681 p.; Patat J.-P. 1813, seul contre tous. Paris, 2010. 222 p.; Naulet F. Leipzig (16–19 octobre 1813) : la fin du rêve de Napoléon et de l'Empire français. Paris, 2014. 357 p. и др.

²¹ Müffling F.C.F. von Geschichte des Feldzugs der englisch-hannöversisch-niederländisch-braunschweigischen Armee unter Herzog Wellington und der preußischen Armee unter dem Fürsten Blücher von Wahlstadt im Jahr 1815: Nebst den Plänen der Schlachten von Ligny, Quatre Bras und belle Alliance. Stuttgart und Tübingen, 1817. 112 s.

²² Müller C. Auch eine Ansicht von der Völkerschlacht bei Leipzig: nebst Grundstrichen zur Beurteilung des ganzen Feldzuges. Leipzig, 1813. 30 s.

²³ Weiske J. Abhandlungen aus dem Gebiete des teutschen Rechts theoretischen und praktischen Inhalts. Leipzig: Hartmann'sche Buchhandlung, 1830. 204 s.

²⁴ Große E.L. Rede an den Deputierten Friedrich Schüler bei dem Feste der Ehrenbecherüberreichung am 6. Mai 1832. S.L., 1832. 32 s.

²⁵ Bülow-Cummerow E.G.G. v. Die politische Gestalt Deutschlands und die Reichsverfassung. Berlin: Verlag von Veit und Comp., 1848. 107 s.

²⁶ Maukisch H.E. Teutonia / bearbeitet von T. Dielitz. Fünfte Auflage. Berlin: Winckelmann und Söhne, 1860. 343 s.

²⁷ Geisler A. Geschichte der neueren Zeit: (1500 – 1815) In biographischer Form. Leipzig, 1853. 607 s.

²⁸ Hanp.: Pückler-Muskau H. v. Südöstlicher Bildersaal: Griechische Leiden. Erster Teil. Stuttgart, 1840. 496 s., Bleibtreu C. Geschichte und Geist der europäischen Kriege unter Friedrich dem Großen und Napoleon: kritische Historie. IV. Band. Wellington. Leipzig, 1893. 104 s. и др.

С 60-х гг. XIX в., особенно в работах представителей малогерманской историографической школы (Г. фон Зибель²⁹, Г. фон Трейчке³⁰) в контексте противостояния Австрийской империи и Прусского королевства за главенство в процессе создания единого немецкого государства возрастает роль «пропрусского» нарратива. Эта тенденция была характерна и для историографии Германской империи.

В период правления Вильгельма II окончательно сложился «немецко-пруссский» взгляд на Освободительную войну 1813–1815 гг. и ее основные сражения. Отдавая должное патриотическому порыву всего немецкого народа, многие авторы отмечали, что начало освобождения было положено прусским королем, и что именно прусская армия внесла наиболее решительный вклад в дело освобождения Германии³¹.

В развитие представлений о Лейпциге и Ватерлоо привнесла свои коррективы Первая мировая война. В работах некоторых авторов звучала мысль о том, что Германия имеет долгую историю европейских битв на своей земле, начавшуюся Битвой народов, после которой ни одна иностранная армия уже не ступала на немецкую землю³². В рамках историографии Ватерлоо особое значение приобрел тезис о лжи британцев, некогда бывших союзниками³³.

Поражение в войне, а затем и смена государственного строя внесли серьезные коррективы в изучение этих двух сражений и, в целом, эпохи начала XIX в. Такие исследователи, как Г. фон Кюль³⁴ и А. Вирт³⁵ обратились к сопоставлению битв эпохи наполеоновских войн и недавних сражений.

Авторы эпохи Третьего рейха стали разрабатывать новые темы. Ф. Кранер³⁶, Г. Геринг³⁷ или О. Хадамовски³⁸, говорили о «мечте» немецкого народа о едином и сильном государстве, возникшей после побед

²⁹ Sybel H. v. Die deutsche Nation und das Kaiserreich. Düsseldorf, 1862. S. 118.

³⁰ Treitschke H. v. Die Leipziger Jubelfeier // Süddeutsche Zeitung. 1863. 9. Aug. Nr. 399. S. 1-2.

³¹ Hanp.: Hochreiter J. Leitfaden der bayerischen (u. Deutschen) Geschichte für Volksschulen in Bildern mit 20 Holzschnitten. Zweite, verbesserte Auflage. Straubing, 1889. 46 s.; Biedermann K. Deutsche Volks- und Kulturgeschichte von der Urzeit bis zum Schlusse des neunzehnten Jahrhunderts. Vierte, verbesserte und vermehrte Auflage. Wiesbaden, 1901. 268 s. и др.

³² Hanp.: Stavenhagen W. Das Deutsche Volksheer // Handbuch der Politik. Dritter Band. II. Teil / Hrsg. von P. Laband u. a. Berlin und Leipzig, 1914. S. 277–299; Naumann F. Die deutsche Sache, die deutsche Seele. Berlin, 1917. 56 s.

³³ Hanp.: Schäfer D. Der krieg 1914/16. Werden und Wesen des Weltkrieges, dargestellt, in umfassenderen Abhandlungen und kleineren Sonderartikeln. Ersten Teil. Leipzig, 1916. 440 s.

³⁴ Kuhl H.J. v. Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges. Zweite, neuarbeitete Auflage. Berlin, 1920. 218 s.

³⁵ Wirth A. Deutsche Zusammenbrüche und ihre Überwindung // Der Türmer. Monatsschrift für Gemüt und Geist. 1925. Heft 10. S. 316–322.

³⁶ Kraner F. Großdeutschland unterm Hakenkreuz. Leipzig, 1933. 254 s.

³⁷ Göring H. Die Proklamation des Führers // Ausgewählte Reden des Führers und seiner Mitarbeiter. Rede des Generalfeldmarschalls Hermann Göring auf dem Parteitag Großdeutschland. München, 1938. S. 5–17.

³⁸ Hadamovsky E. Hitler kämpft um den Frieden Europas. Ein Tagebuch von Adolf Hitlers Deutschlandfahrt. München, 1936. 270 s.

Освободительной войны. Однако подобная «мечта», согласно этим авторам, сбылась только после того, когда к власти в Германии пришло новое правительство во главе с А. Гитлером. После начала Второй мировой войны частыми стали напоминания о том, что после Освободительных войн ни одна неприятельская армия уже не ступала на немецкую землю. Эту мысль, впервые появившуюся в немецкой историографии еще во время Первой мировой войны, развивали В. Гель³⁹, Х. Пфлюг⁴⁰ и многие другие авторы.

Поражение во Второй мировой войне и крах национал-социалистического государства привели не только к смене историографических тенденций, но и к разделению немецкой историографии в контексте развития двух немецких государств. Исследователи из Германской Демократической Республики (далее – ГДР) в рамках изучения Битвы народов сконцентрировали основное внимание на теме русско-немецкого братства по оружию⁴¹.

В Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ) пристальное внимание получили вопросы, связанные с переосмыслением 100-летнего юбилея Битвы народов и коммеморативных торжеств вильгельмовской эпохи (Э. Фишер, Х. Шарф и др.)⁴². В 70-80 е гг. XX в. западногерманские авторы начали активно обращаться к проблеме зарождения и развития немецкого национализма (Х. Пригниц⁴³, К. Т. Ниппердей⁴⁴ и др.).

В отличие от Лейпцигского сражения Ватерлоо интересовало исследователей из ФРГ и ГДР в меньшей степени. Сражение могло выступать в качестве контекста или примера, иллюстрирующего мысль того или иного автора⁴⁵. Однако общим тезисом было восприятие Ватерлоо как совместной с британцами победы.

Тенденции, характерные для историографии ФРГ периода существования двух независимых немецких государств, отчасти сохранились и в работах современных немецких исследователей. Существуют работы, затрагивающие общий контекст эпохи наполеоновских войн и

³⁹ Gehl W. Die Sendung des Reiches. Zweite Auflage. Breslau, 1943. 101 s.

⁴⁰ Pflug H. Deutschlands Raumschicksal // Tornisterschrift des Oberkommando der Wehrmacht Abteilung Inland. 1941. Heft 28. S. 9–13; Pflug H. Deutschlands – das Herz Europas // Europa. Handbuch der politischen, wirtschaftlichen und kulturellen Entwicklung des neuen Europa. Leipzig, 1943. S. 134–143.

⁴¹ Напр.: Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1965. 462 с.

⁴² Напр.: Fischer E. Kunst und Koexistenz. Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg, 1966. 235 s.; Scharf H. Kleine Kunstgeschichte des deutschen Denkmals. Darmstadt, 1984. 374 s. и др.

⁴³ Prignitz Ch. Vaterlandsliebe und Freiheit. Deutscher Patriotismus von 1750 bis 1850. Wiesbaden, 1981. 221 s.

⁴⁴ Nipperdey Th. Nachdenken über die deutsche Geschichte. Essays. München, 1986. 234 s.

⁴⁵ Напр.: Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: was wäre geschehen, wenn...? 2., verb. Aufl. Göttingen, 1986. 154 s.

Освободительной войны 1813–1815 гг.⁴⁶, работы в широком проблемном поле, в рамках которого речь может идти о широком европейском и глобальном контекстах⁴⁷, отражении эпохи в литературе и искусстве⁴⁸ и т.д.

До сих пор выходит немало исследований в центр изучения ставящих Битву народов под Лейпцигом как кульминационную точку Освободительной войны. Такого рода подход характерен для большого числа исследований⁴⁹. В то же время Ватерлоо в современных исследованиях чаще всего фигурирует в качестве некоего отдельного примера⁵⁰. Большое количество работ, посвященных собственно Ватерлоо, появилось в юбилейном 2015 г. (Й. Виллмс⁵¹, Ф. Хюнеке⁵², М. Фюссель⁵³).

Историография как Битвы народов, так и сражения при Ватерлоо за более чем 200 лет существования темы претерпела существенные изменения. От общих работ описательного характера историческая наука перешла к исследованиям, изучающим отдельные проблемы и аспекты темы. Однако до сих пор не до конца изученным остается весь процесс становления и развития памяти о данных сражениях Освободительных войн 1813–1815 гг. во всей их полноте. Особенно актуальной эта проблема является для «немецкого» Ватерлоо, часто рассматриваемого в контексте более исследованного британского варианта памяти. В то же время куда более изученная битва при Лейпциге также страдает от определенной фрагментарности, поскольку исследователей в большей степени интересуют отдельные периоды. Констатируя наличие лакун в историографии по данной теме, в то же время выражаем надежду, что наше исследование поможет заполнить существующие пробелы.

Источниковая база диссертационного исследования предполагает привлечение нескольких типов исторических источников, а именно письменных источников и электронных (цифровых) ресурсов.

⁴⁶ Нанп.: Kühn T. Der Befreiungskrieg: Russlands Feldzug nach Westen. Berlin, 2014. 240 s.; Krause A. Der Kampf um Freiheit: die Napoleonischen Befreiungskriege in Deutschland. Berlin, 2013. 352 s.; Akaltin F. Die Befreiungskriege im Geschichtsbild der Deutschen im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1997. 318 s. и др.

⁴⁷ Нанп.: 1813 im europäischen Kontext / Hrsg. von Birgit Aschmann, Thomas Stamm-Kuhlmann. Stuttgart: Steiner, 2015. 302 s. и др.

⁴⁸ Нанп.: Die Befreiungskriege 1813 – 1815 mit ihren Auswirkungen auf Mecklenburg in Dichtung und bildender Kunst / Hrsg. von Ch. Bunnars, D. Stellmacher, J. Grote. Rostock, 2014. 144 s.; Lücke M. Worte wie Waffen: Krieg und Romantik. Göttingen, 2013. 371 s. и др.

⁴⁹ Нанп.: Rothenberg G. Die Napoleonischen Kriege. Berlin, 2000. 244 s.; Plathaus A. 1813 – Die Völkerschlacht und das Ende der alten Welt. Berlin, 2013. 480 s., Die Völkerschlacht bei Leipzig: Verläufe, Folgen, Bedeutungen 1813–1913–2013 / Hrsg. von M. Hofbauer, M. Rink. Berlin; Boston, 2017. 404 s. и др.

⁵⁰ Нанп.: Koselleck R. Kriegerdenkmale als Identitätsstiftungen der Überlebenden // Identität / Hrsg. von O. Marquard, K. Stierle. München, 1996. S. 255–276., Kaufmann S. Kommunikationstechnik und Kriegführung 1815–1945. Stufen telemedialer Rüstung. München, 1996. 407 s. и др.

⁵¹ Willms J. Waterloo. Napoleons letzte Schlacht. München, 2015. 287 s.

⁵² Hunecke V. Napoleons Rückkehr. Die letzten hundert Tage – Elba, Waterloo, St. Helena. Stuttgart, 2015. 260 s.

⁵³ Fussell M. Waterloo 1815. München, 2015. 127 s.

Основой исследования являются *научные труды*, в процессе обращения к которым можно проследить, как менялось научное восприятие двух главных сражений Освободительных войн в среде немецких историков. В качестве примера этого вида источников следует выделить исторические труды, в которых детально описывается ход сражения при Лейпциге⁵⁴ и Ватерлоо⁵⁵.

Публицистика, широко использованная в исследовании, предоставляет возможность углубить понимание политического и общественного контекстов, в рамках которых развивалась память о событиях 1813–1815 гг. в течение всего исследуемого нами периода. В качестве примера можно указать на сочинения либерально настроенных немецких деятелей 30–40-х гг. XIX в., активно прибегавших к памяти о Ватерлоо, чтобы подвергнуть критике состояние современного им общества⁵⁶.

В исследовании были использованы *литературные произведения*, в которых в художественной форме отразилось и было творчески переработано восприятие Битвы народов и сражения при Ватерлоо. К этому виду исторических источников мы относим труды разных литературных форм: романы и рассказы⁵⁷, стихи и поэмы⁵⁸ и др.

Важную роль в исследовании играют *материалы немецкой периодической печати*, в которой отражалось не только мнение тех или иных общественных кругов, но и отдельные аспекты организации и проведения коммеморативных торжеств, являвшихся важной частью поддержания памяти о сражениях. Региональные газеты⁵⁹, особенно в XIX в., отражали локальные нарративы исторической памяти о сражениях эпохи Освободительных войн. В свою очередь, обращение к официальной прессе⁶⁰

⁵⁴ Hanp.: Berneck K.G. v. Das Buch der Schlachten. Leipzig, 1856. 409 s.; Beitzke H. Die Völkerschlacht bei Leipzig vom 16.–19. Oktober 1813. Leipzig, 1913. 134 s.; Bremen W. v. Die Völkerschlacht bei Leipzig am 18. Oktober 1813. Berlin, 1913. 158 s. и др.

⁵⁵ Hanp.: Ott K. Geschichte der letzten Kämpfe Napoleons: Revolution und Restauration: in zwei Teilen. Zweiter Teil. Leipzigs, 1843. 442 s.; Varchmin F.W. v. Die Schlacht bei Belle-Alliance: eine Jubelschrift auf das Jahr 1865. Berlin, 1865. 162 s.; Pflugk-Hartung J. v. Die Verhandlungen Wellingtons und Blüchers auf der Windmühle bei Brye (16. Juni 1815). // Historisches Jahrbuch. 1902. XXIII. Band. Jahrgang 1902. S. 80-97 и др.

⁵⁶ Hanp.: Herold E. Der Wiederhall deutscher Volksstimme in Grüßen an das deutsche Vaterland. Straßburg, 1831. 27 s.; Große E.L. Rede an den Deputierten Friedrich Schüler bei dem Feste der Ehrenbecherüberreichung am 6. Mai 1832. S.l., 1832. 32 s. и др.

⁵⁷ Hanp.: Stolle F. Elba und Waterloo: Ein historischer Roman. Dritter Band. Leipzig, 1838. 306 s.; Emil L. Napoleon. Berlin, 1926. 695 s.; Sieburg F. Napoleon. Die hundert Tage. Berlin, 1963. 436 s.; Loest E. Völkerschlachtdenkmal. Hamburg, 1984. 282 s. и др.

⁵⁸ Hanp.: Blumenhagen W. Gedichte. Zweites Bändchen. Hannover, 1826. S. 206.; Scherenberg Ch.F. Waterloo: ein vaterländisches Gedicht. Zweite Auflage. Berlin, 1850. S. 75.; Die Völkerschlacht bei Leipzig. Ein Volksabend / von Br. Heinrich Rocholl. Gotha, 1913. 38 s. и др.

⁵⁹ Allgemeine Zeitung München. 1816–1819; Aschaffenburg Zeitung. 1838–1865; Königsberger Hartungsche Zeitung. 1871–1890; Berliner Tageblatt und Handels-Zeitung. 1890–1915; Dresdner neueste Nachrichten. 1904–1941; Leipziger Tageblatt und Handelszeitung. 1913–1924; Der sächsische Erzähler. 1920–1941 и др.

⁶⁰ Der Freiheitskampf. 1933–1943; Neue Zeit. 1948–1994; Neues Deutschland. 1947–1990.

помогает выявить официальную точку зрения немецкого правительства на исследуемые нами сражения в тот или иной период немецкой истории. К данному виду письменных источников мы относим и современные новостные сайты и порталы, такие как «taz»⁶¹ или «Welt»^{62*}.

В работе использованы *делопроизводственные документы* из Федерального архива Германии⁶³. В использованных делах содержится информация, связанная с исторической политикой последних лет существования Германской империи и первых лет Веймарской республики.

Использованные в работе источники *личного происхождения*, такие как мемуары участников и свидетелей событий начала XIX в.⁶⁴ позволяют нам охарактеризовать субъективное отношение отдельных людей к двум исследуемым сражениям. В качестве источников личного происхождения в исследовании выступают также материалы, размещенные в социальных сетях⁶⁵, таких как «Twitter»⁶⁶. Данный тип ресурсов не только позволяет выявить мнение отдельных немецкоязычных пользователей, но и проанализировать наиболее частотные темы, в контексте которых упоминаются исследуемые нами сражения при Лейпциге и Ватерлоо.

Помимо письменных источников, в работе были использованы *электронные (цифровые) источники*. Данный тип источников необходим нам для более полного понимания контекста, в котором память о Битве народов и битве при Ватерлоо существует и развивается в современном немецком обществе. В данном типе источников мы выделяем информационные ресурсы, к которым мы относим сайты различных организаций, учреждений и проектов, таких как Храм-памятник русской славы в Лейпциге⁶⁷ или Немецкий исторический музей⁶⁸.

Таким образом, широкий круг использованных в диссертационном исследовании исторических источников позволил провести реконструкцию процесса формирования и трансформации исторической памяти о сражениях при Лейпциге и Ватерлоо во всей его полноте.

Положения, выносимые на защиту:

1. В памяти немецкого общества образ Битвы народов под Лейпцигом занял место важнейшего события наполеоновской эпохи. Сформировавшийся образ сражения содержал в себе два основных аспекта. Во-первых, сражение воспринималось и до сих пор воспринимается как

⁶¹ taz.de. URL: <https://taz.de>

⁶² Welt. URL: <https://www.welt.de>

⁶³ Bundesarchiv (далее – BArch), R 43/1346; BArch, R 43/1347; BArch, R 43/2394, BArch, R 101/1146.

⁶⁴ Напр.: Stägemann F.A. v. Erinnerungen an die preußischen Kriegestaten. Dritte Nachtrag. Halle und Berlin, 1818. 56 s. и др.

⁶⁵ Здесь и далее материалы, отмеченные символом (*), означают, что источники их происхождения и публикации являются запрещенными на территории Российской Федерации.

⁶⁶ Twitter. URL: <https://twitter.com>

⁶⁷ Русский Храм-памятник в Лейпциге. URL: <http://russische-kirche-l.de/>

⁶⁸ Deutsche Historische Museum. URL : <https://www.dhm.de/>

символ единства немецкого народа. Во-вторых, это сражение привело к освобождению Германии от французского господства.

2. Память о сражении при Ватерлоо, в отличие от памяти о Лейпциге, не смогла достичь того же символического значения, по ряду объективных причин. Однако до современности это историческое событие сохранилось в качестве аллегории окончательного поражения. Это «аллегорическое» Ватерлоо на протяжении последних ста лет вытесняло из немецкого общественного сознания «исторический» аспект битвы.

3. Причины и предпосылки развития и трансформации памяти о Лейпциге и Ватерлоо на протяжении всего исследуемого нами хронологического периода демонстрируют явное сходство. Основные черты образа обоих сражений сформировались еще в первые десятилетия после окончания эпохи наполеоновских войн. Пиком памяти в двух рассматриваемых нами случаях являлась эпоха правления Вильгельма II, за которой последовал спад в период Веймарской республики, вызванный травматической памятью о Первой мировой войне. Легитимировать свою власть посредством приобщения к Лейпцигу и Ватерлоо пыталось руководство Третьего рейха. При сопоставлении специфики памяти о двух битвах в ФРГ и ГДР можно увидеть, что во втором случае интерес был более явным и подчеркнутым. На современном этапе пиком интереса как к Битве народов, так и к Битве при Ватерлоо стали 200-летние юбилеи.

4. Помимо общих причин развития памяти, связанных с историческим контекстом, Лейпциг и Ватерлоо в немецкой памяти демонстрировали и другие сходные черты. Память об этих сражениях была вписана в контекст Освободительных войн 1813–1815 гг. Этот период для немцев был важнейшим этапом наполеоновских войн, связанным с процессом формирования немецкой нации. Оба сражения развивались в качестве победного нарратива, демонстрировавшего славу немецкого оружия. И Лейпциг, и Ватерлоо после многочисленных поражений, которые германские государства потерпели от Наполеона, воспринимались как долгожданные победы. Оба сражения от нарратива «немецкой победы» перешли на современном этапе к нарративу «победы союзников».

5. Несмотря на кажущееся сходство, образы Лейпцига и Ватерлоо обладают существенными отличиями. Битва при Ватерлоо произошла в другой стране, и все ее памятные места транслируют национальные нарративы не только Германии, но и других стран. В то же время Лейпциг, памятник сражению и общая национальная концепция сражения позволяли немцам на протяжении долгого времени формировать образ Битвы народов, не обращая внимания на мнение других наций. В то время как Лейпцигское сражение воспринималось в позитивном ключе освобождения Германии и перспектив создания единого государства, за Ватерлоо последовал неудачный для немцев Венский конгресс, наступила эпоха реакции. Важность и символический смысл Лейпцига, то место, которое это событие

заняло в немецкой исторической памяти, делали создание еще одного, во многом, схожего места памяти бессмысленным.

6. Коммеморативные практики на протяжении двухсот лет существования и трансформации памяти о Лейпцигском сражении играли большую роль в закреплении положительного образа Битвы народов и способствовали поддержанию его актуальности. В то же время отсутствие столь же масштабного места памяти, связанного с «немецким» Ватерлоо, привело к снижению коммеморативной значимости этой битвы в немецкой исторической памяти.

7. Обращение к памяти о Лейпциге и Ватерлоо помогло выявить специфику немецкой национальной памяти, связанную с большой ролью региональных нарративов. Представители различных немецких земель на протяжении долгого времени воспринимали события Освободительных войн 1813–1815 гг. по-разному, поскольку участвовали в них в разных статусах. И, даже несмотря на то, что относительно быстро сформировался общенемецкий вариант памяти о Лейпциге и о Ватерлоо, его важной частью был «пропрусский» нарратив, также являвшийся региональным.

8. Память об эпохе Освободительных войн, символами которой являются Лейпциг и Ватерлоо, в современной Германии поддерживается в качестве важного фактора формирования национальной идентичности. Патриотические чувства, особенно ярко проявившиеся в борьбе с Наполеоном, послужили основой для дальнейшего развития немецкого самосознания. Несмотря на то, что после Второй мировой войны вопрос немецкого национализма является дискуссионным, память о Битве народов и сражении при Ватерлоо, сформировавшаяся в форме памяти-победы, сохраняет свое важное историческое значение. Даже попытка превратить празднование 200-летия Лейпцига в общеевропейское событие не устранило национальный компонент памяти.

Научная новизна исследования состоит в проведении автором комплексного анализа 200-летнего периода складывания и трансформации памяти о ключевых сражениях эпохи Освободительных войн 1813–1815 гг. в немецком обществе в контексте политических и идеологических изменений. Были выявлены этапы становления и эволюции исследуемых образов в контексте развития немецкой идентичности и государственности. Автор проанализировал общественный и политический дискурсы, в рамках которых варианты «памяти» о Лейпциге и Ватерлоо трансформировались и использовались различными акторами общественной и политической жизни Германии вплоть до современности, когда в рамках процесса наднациональной европейской интеграции начала складываться общеевропейская идентичность.

Комплексное изучение исторической памяти о двух ключевых сражениях Освободительных войн 1813–1815 гг. позволяет не только охарактеризовать специфику складывания национальной памяти в отдельных

европейских странах и выявить особенности перехода коммуникативной памяти очевидцев событий к культурной памяти потомков.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования расширяют проблемное поле, в котором традиционно рассматриваются образы Битвы народов и сражения при Ватерлоо, и могут быть использованы для дальнейшего изучения отдельных аспектов эпохи наполеоновских войн. Материалы, представленные в диссертационном исследовании, могут быть применены при разработке лекций и практических занятий по истории Нового времени, а также при реализации дисциплин, связанных с изучением исторической памяти.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Широкий круг привлеченных в рамках исследования источников обеспечивает достоверность положений, выносимых на защиту.

Положения диссертации отражены в 11 публикациях общим объемом – 7,25 п. л, а также в коллективной монографии. Из них 4 статьи (3,15 п. л.) в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ. Основные положения исследования были представлены на 7 международных, 18 всероссийских и региональных конференциях.

Структура кандидатской диссертации. Структура диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы и 18 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, объект и предмет проведенного научного исследования, хронологические и территориальные рамки; формулируются цель и задачи, а также методологическая основа исследования; анализируются степень изученности темы и источниковая база исследования; рассматривается научная новизна представленного к защите диссертационного исследования, а также значимость проведенного исследования.

Первая глава **«Битва народов в немецкой исторической памяти»** посвящена процессу формирования и трансформации памяти о Лейпцигском сражении в немецком общественном сознании.

В первом параграфе **«Истоки памяти и «маленькие годовщины»: память о Битве народов в первой половине XIX в.»** затронуты вопросы, связанные с началом формирования представлений о Лейпцигском сражении. В это время был заложен фундамент основополагающих позитивных нарративов, в рамках которых развивалось восприятие этого сражения. Главными факторами, сыгравшим важную роль в повсеместном распространении положительного образа Лейпцигской битвы, были ее универсальность, а также коммеморативные практики, приобщавшие к «славной» победе подавляющее большинство жителей германских

государств, что сыграло значительную роль в формировании немецкой национальной идентичности.

Второй параграф **«Память о Битве народов в период объединения Германии и первые десятилетия существования Германской империи»** посвящен трансформации образа Битвы в контексте политических и общественных изменений, связанных с формированием единого немецкого государства. Отмечается, что постепенное исчезновение живых свидетелей Битвы народов давало новым поколениям широкие возможности для новых интерпретаций и мифов. Важную роль в восприятии сражения играла политическая ситуация, связанная с борьбой между Прусским королевством и Австрийской империей за политическое господство. Рост символической роли Пруссии в достижении победы в Битве народов являлся важной частью легитимации политических амбиций Прусского королевства в процессе объединения Германии, еще более укрепившийся в Германской империи.

В третьем параграфе **«Память о Битве народов в Германской империи в правление Вильгельма II»** исследуется период наиболее активного использования памяти о Битве народов в политическом пространстве Германской империи. В это время Лейпциг использовался политическими элитами страны в качестве общенемецкого места памяти, призванного сплотить немецкое общество. Особую роль в этом процессе сыграли масштабные торжества, приуроченные к 100-летию юбилею Битвы народов, а также Первая мировая война.

Четвертый параграф **«Забвение и актуализация памяти о Битве народов в межвоенный период»** посвящен периоду, в рамках которого память о Битве народов развивалась в условиях резких политических и идеологических изменений. Поражение в Первой мировой войне затмило собой имперскую традицию памяти о Битве народов. Приход к власти в Германии национал-социалистов вновь вывел Лейпцигское сражение на первый план. Однако поражение Третьего рейха во Второй мировой войне прервало развитие многих идей и нарративов, которые развивались на протяжении почти полутора веков.

В пятом параграфе **«Трансформация образа Битвы народов в условиях существования двух немецких государств»** анализируется послевоенное развитие представлений о Лейпцигском сражении. Отмечается, что в ГДР Битва народов переосмыслялась в контексте развития советско-немецкой дружбы, тем самым становясь важной частью государственной идеологии. В то же время в ФРГ Битва народов не занимала столь важного места, выступая скорее в качестве примера милитаризма прошлых эпох, столь отличного от нового демократического общества, которое строили немцы из Западной Германии.

В шестом параграфе **«Битва народов в современной немецкой исторической памяти»** раскрывается процесс трансформации памяти о Битве народов на современном этапе существования немецкого государства. Отмечается, что она потеряла часть своей актуальности, заслоненная

событиями Первой, а затем и Второй мировой войны. Однако в почти неизменном виде сохранилось представление об общенемецком характере достигнутой в Битве народов победы. В то же время попытку создать из Лейпцига общеевропейское место памяти, предпринятую во время 200-летнего юбилея, нельзя назвать полностью удачной.

Вторая глава **«Ватерлоо в немецкой исторической памяти»** посвящена двухсотлетию периоду формирования и эволюции немецких представлений о последнем крупном сражении наполеоновской эпохи – битве при Ватерлоо.

В первом параграфе **«Память о Ватерлоо в эпоху Реставрации (1815–1848 гг.)»** анализируется процесс формирования многовариативной памяти о Ватерлоо в немецком общественном сознании: от «общенемецкого» варианта образа до различных региональных вариантов. Отмечается тесная символическая связь Ватерлоо с Венским конгрессом, что отразилось на негативизации этого события в восприятии немецкого общества. Особенно явной эта тенденция стала в 30–40-е гг. XIX в., в контексте подъема либерально-демократических настроений.

Во втором параграфе **«Развитие образа Ватерлоо после Мартовской революции и в первые десятилетия Германской империи (1848–1890 гг.)»** анализируется память о Ватерлоо в контексте перехода от коммуникативной памяти участников сражения к памяти нового поколения, не заставшего или не запомнившего эпоху наполеоновских войн. Этот процесс способствовал обращению общества к новым сюжетам в восприятии и описании сражения. Наиболее яркими были изменения, происходившие с восприятием британцев, бывших союзниками при Ватерлоо. Отмечается, что с 50-х гг. XIX в. некогда нейтральный взгляд на британцев постепенно негативизируется. Продолжают оставаться актуальными региональные варианты образа Ватерлоо, а прусский вариант постепенно встраивается в общенемецкий нарратив. Затрагивается и проблема французского «реваншизма», активно развивавшаяся в немецкой интеллектуальной среде в связи с деятельностью Наполеона III. Ключевым событием, повлиявшим на актуализацию этого нарратива в контексте памяти о Ватерлоо, являлась Франко–германская война 1870–1871 гг.

В третьем параграфе **«Ватерлоо и трансформация памяти о нем в период правления Вильгельма II»** рассматривается период наивысшего развития памяти о Ватерлоо. Начинают отходить на второй план региональные варианты образа сражения. В то же время отношение к британскому вкладу в общую победу перерастало в антагонистичный. Особенно заметным этот процесс стал во время Первой мировой войны, когда бывшие союзники, ставшие врагами, воспринимались как предатели, искажавшие историческую правду. Вместе с тем немецкая общественная мысль активно обращалась к победам столетней давности, чтобы поддержать в обществе военный энтузиазм.

В четвертом параграфе «**Память о Ватерлоо в период Веймарской республики и Третьего рейха**» раскрывается период наиболее резких изменений, произошедших с немецкой памятью о Ватерлоо, связанный как со сменой государственного строя, так и с замещением памяти о прошлых победах памятью о недавних поражениях. Наиболее заметной и явной тенденцией этого этапа трансформации памяти стало постепенное «забвение» Ватерлоо как исторического события. В то же время вместо «исторического» Ватерлоо начал активно развиваться «аллегорический» вариант, связанный с представлением о Ватерлоо как об аллегории катастрофического поражения. Начало Второй мировой войны способствовало как повышению актуальности памяти о Ватерлоо, так и возвращению в политический дискурс старых образов врагов-британцев и реваншистов-французов.

В пятом параграфе «**Разделенная страна и разделенная память: Ватерлоо в ФРГ и ГДР**» анализируется процесс развития образа Ватерлоо в двух немецких государствах. Для ФРГ память об историческом Ватерлоо была неудобной, так как мешала строить нормальные добрососедские отношения с западными партнерами. В ГДР же битва, произошедшая в Бельгии, вызывала еще меньший интерес. Однако в обоих немецких странах это сражение охотно использовалось в качестве аллегории поражения, особенно политического.

В шестом параграфе «**Память о Ватерлоо в объединенной Германии**» исследуется процесс трансформации памяти о Ватерлоо на современном этапе. Отмечается повсеместное распространение «аллегорического» варианта Ватерлоо в повседневной жизни. В то же время, «историческое» Ватерлоо воспринимается неоднозначно. С одной стороны, это совместная прусско-британская победа, повлекшая за собой ряд неприятных последствий для Европы. С другой стороны, это «чужое поражение», уже не столь актуальное, что показало относительно спокойное отношение немецкого общества к 200-летию юбилею Ватерлоо.

В **Заключении** сформулированы общие выводы диссертационного исследования.

В немецком общественном сознании эпоха Освободительных войн 1813–1815 гг. закрепились в качестве важного этапа формирования национальной идентичности. Эта эпоха наполеоновских войн определила несколько важных символических событий, претендовавших на то, чтобы стать для немцев символом единства.

Ключевыми событиями эпохи Освободительных войн стали Битва народов под Лейпцигом, продолжавшаяся с 16 по 18 октября 1813 г., и состоявшаяся 18 июня 1815 г. битва при Ватерлоо. Проведенное исследование показало, что образ Битвы народов формировался на основе трех важных нарративов. Во-первых, представление о народном характере победы над врагом. Это символическим образом выводило значение Лейпцигского сражения на национальный уровень, так как речь шла о немцах вообще, а не о подданных отдельных германских правителей. Во-вторых,

события октября 1813 г. воспринимались как кульминационная точка в борьбе против французского господства. Эта борьба сопровождалась многочисленными жертвами, принесенными народом, что также осмыслялось через категорию нации. Третий тезис апеллировал к политическим последствиям, связанным с надеждами на создание единого немецкого государства. Все эти моменты вызвали к чувству национального патриотизма и формировали идентичность, выходящую за уровень отдельных немецких государств.

В свою очередь, образ Ватерлоо формировался в русле нескольких иных нарративов. Помимо восприятия этого сражения в качестве общенемецкой победы, в отдельных землях в первые десятилетия активно формировались региональные варианты памяти. Вторым важным элементом образа Ватерлоо была его символическая связь с Венским конгрессом, чьи решения и итоги в силу политических причин воспринимались неоднозначно. Третьим аспектом, было постоянное напоминание о более успешном и известном варианте памяти о Ватерлоо, формировавшемся и развивавшемся в Великобритании. «Немецкому» Ватерлоо приходилось символическим образом конкурировать с чужим национальным нарративом.

В двух исследуемых нами битвах, а также и в их восприятии немецким обществом всегда существовало определенное сходство, связанное с тем, что они развивались в едином историческом контексте. В первой половине XIX в. оба сражения, поддерживаемые многочисленными коммеморативными торжествами и коммуникативной памятью участников битв, а также их потомков, имели наибольшую актуальность. В то же время в 30–40-е гг. XIX в. обе крупнейшие битвы Освободительных войн пережили этап критики. Во второй половине XIX в. Лейпциг и Ватерлоо использовались прусскими политическими элитами как фундамент не только легитимности династии Гогенцоллернов на германском престоле, но и в качестве прочной основы немецкой идентичности, покоившейся на общем победоносном историческом прошлом. Оба сражения пережили пик памяти в эпоху правления Вильгельма II и начали вытесняться из памяти немцев после Первой мировой войны, когда травма поражения заслонила собой блестящие победы предыдущих эпох.

Период правления национал-социалистической партии, легитимировавшей себя посредством приобщения к историческому прошлому, снова актуализировал события наполеоновской эпохи. В послевоенное время немцы из ГДР и ФРГ не были заинтересованы в установлении исторической «истины» или в споре с британским вариантом памяти о Ватерлоо, не идя дальше общих представлений о прусско-британской победе. Однако в ГДР память о Битве народов, особенно в первые десятилетия существования государства, активно использовалась для того, чтобы утвердить в общественном сознании идею русско-немецкой дружбы.

На современном этапе на память о Битве народов и сражении при Ватерлоо влияет еще важный фактор, связанный с интенсификацией наднациональных связей внутри единого европейского пространства. В условиях существования Европейского союза память о победах одних стран над другими смягчается, уступая место попыткам создать места примиряющей, но не разделяющей общеевропейской памяти, что и было продемонстрировано в рамках 200-летних юбилеев Лейпцига и Ватерлоо. В то же время Битва народов до сих пор воспринимается немецким обществом в контексте общих представлений, сформировавшихся еще в начале XIX в. как о кульминационном событии эпохи Освободительных войн, заложивших основы немецкой идентичности. Вместе с тем Ватерлоо на повседневном уровне воспринимается в рамках своего рода «аллегорического» варианта, все больше утрачивая свое историческое значение.

Помимо общего исторического контекста, в рамках которого развивалась память о двух сражениях Освободительных войн 1813–1815 г., можно выделить еще несколько особенностей, определяющих как сходства, так и различия в восприятии Лейпцига и Ватерлоо. С одной стороны, оба сражения закончились поражением Наполеона I. После множества проигранных битв, эти сражения, в которых немецкое оружие наконец-то одержало решительную победу, имели очень большое значение. При Лейпциге, как и при Ватерлоо, немецкое участие сопровождалось символическим пониманием того, что битва идет не просто за победу над противником, но за национальную свободу, независимость немцев от иностранного господства и за единое немецкое государство.

Однако в восприятии Лейпцига и Ватерлоо существовали и серьезные различия. Уже очевидцы наполеоновской эпохи отмечали, что в сражении под Лейпцигом приняло участие большее количество жителей немецких государств, нежели при Ватерлоо, где для сражения объединились воинские контингенты государств северо-западной Германии и Пруссии.

Другим важным отличием двух сражений друг от друга было место, где они состоялись. Битва народов происходила на немецкой земле, что наполняло это сражение особым символическим смыслом. Немцы в патриотическом порыве на родной земле победили врага, угрожавшего их свободе и идентичности. В то же время поля Валлонии в Бельгии, где разыгралось сражение при Ватерлоо, не несли в себе такой эмоциональной нагрузки.

Это различие отразилось и в монументах, установленных на полях сражений. Под Лейпцигом был возведен монумент, отражавший «национальный дух». В то же время памятник при Ватерлоо был чужд немецкому общественному сознанию. Львиный холм, воздвигнутый голландцами и ставший местом притяжения для британцев, не мог сравниться с памятником, который включал в себя множество национальных символов.

Не менее значимым было различие в восприятии сражения другими народами. Ватерлоо даже своим названием было обязано британскому военачальнику А. Веллингтону. Однако Битва народов почти не была востребована национальными нарративами других стран, а австрийский нарратив долгое время развивался в русле общенемецкого. Поэтому при обращении к Лейпцигу немецкая историческая память почти не вступала в конфликт с иными национальными традициями. Это отличало Битву народов от Ватерлоо, где конфликт между британской версией сражения и немецко-прусской был наиболее явным и острым.

Несколько иначе, благодаря историческому контексту, воспринимались итоги двух сражений. После Лейпцига наступило время освобождения Германии от французского ига. В символическом смысле Лейпциг олицетворял надежды и мечты немецкого общества о единстве в рамках национального государства. В то же время несмотря на то, что сражение при Ватерлоо завершило эпоху наполеоновских войн, за ним последовал Венский конгресс, эпоха реакции и осознание того, что многие надежды так и не были реализованы.

В деле сохранения памяти о Лейпциге особую роль сыграла традиция коммеморации, делавшая из годовщин Битвы народов важный национальный праздник. Большую роль в этом процессе сыграло сохранение главного монумента как важного места памяти. В то же время коммеморация Ватерлоо, имевшая место в разных немецких регионах, фактически прекратилась после исчезновения Германской империи. Однако Ватерлоо смогло обрести вторую жизнь в виде аллегории, в немецкоязычном пространстве означающей окончательное поражение.

И все же самым важным отличием, которое предопределило столь существенное расхождение в восприятии этих, казалось бы, схожих битв, было то, что в немецком общественном сознании существовало четкое понимание: без Лейпцига не было бы и Ватерлоо. Лейпциг уже удовлетворял мечтам, надеждам и амбициям немецкого общества, стал основой, вокруг которой могла строиться немецкая идентичность. Поэтому создание и поддержка еще одного символического места памяти на чужой земле, на которое к тому же претендовала другая нация, было нецелесообразным. Именно все эти обстоятельства и предопределили роль и место двух сражений в немецкой исторической памяти.

Перспективы дальнейшей разработки темы. Исследование было сконцентрировано на сравнении победных нарративов периода Освободительной войны 1813–1815 гг. Однако участие немцев в наполеоновских войнах не исчерпывается этим коротким периодом. Большой научный интерес представляет сравнение этих победных нарративов с нарративом поражения, олицетворяемым двойным сражением при Йене и Ауэрштедте и битвой при Аустерлице. Кроме того, открывается в перспективе возможность расширения проблемного поля исследования и рассмотрение вопросов, связанных с общими принципами развития немецкой

исторической памяти и влиянием ее на национальную идентичность немцев на региональном, государственном и общеевропейском уровнях.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Грибан И.В., Голотина А.И. Патриотизм, национальная идентичность и молодежная политика в современной Германии // Вопросы истории. 2021. № 7–1. С. 66–81 (1 п. л. / 0,5 п. л.).

2. Голотина А.И. Битва при Ватерлоо в немецких коммеморативных практиках первой половины XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. Т. 32. № 1. С. 138–146 (0,5 п. л.).

3. Голотина А.И. Битва народов в официальном германском дискурсе XX в.: немцы и их союзники // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 1. С. 120–124 (0,65 п. л.).

4. Голотина А.И. «Пусть наступит ночь или придут пруссаки»: трансформация представлений немцев о британцах-союзниках в контексте памяти о битве при Ватерлоо // Метаморфозы истории. 2024. № 34. URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770032705-5-1/> (1 п. л.; К3).

Монографии

5. Голотина А.И. Германия против Наполеона: Освободительная война в немецкой исторической памяти // Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О. С. Поршневой (отв. ред.), Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2020. С. 255–291. (34,5 п. л. / 2,25 п. л.).

Другие публикации

6. Голотина А.И. Королева Луиза Прусская: 200-летие смерти и современное немецкое общество // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 21. С. 11–19 (0,5 п. л.).

7. Голотина А.И. 200-летний юбилей прусских реформ и образовательное пространство современной Федеративной Республики Германии // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 22. С. 87–101 (0,8 п. л.).

8. Голотина А.И. «Умные, как голуби, простодушные, как змеи!»: 50-летний юбилей начала Освободительной войны в Германии // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 204–215 (0,7 п. л.).

9. Голотина А.И. Молодежь и историческая политика в Германии (на примере юбилеев Освободительной войны 1813–1815 гг.) // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 320–326 (0,4 п. л.).

10. Голотина А.И., Сергеева Н.Н. Празднование столетнего юбилея Освободительной войны 1813–1815 гг.: особенности отражения в прессе //

Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире. Материалы VIII международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках. Екатеринбург, 2021. С. 79–81 (0,2 п. л. / 0,15 п. л.).

11. Голотина А.И. Кайзер, воин, охотник на львов: 100-летний юбилей Битвы народов и немецкое общество // *Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2022. Т. 12. № 1. С. 49–64 (0,9 п. л.).

12. Голотина А.И. «Наполеоновская эпоха» в системе политического образования современной Федеративной Республики Германия (на примере учебных планов по истории) // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории.* 2024. № 27. С. 257–266 (0,6 п. л.).